

ДАМЫ ПОКИДАЮТ ОБОЧИНУ

Полина Гуккина

УДК: 821.161.

Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 384 с.

Women Leave the Margins

Polina Gukkina

Рецензия посвящена недавно переизданному труду историка Натали Земон Дэвис «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века» — одной из самых известных книг в области социальной и микроистории. Автор реконструирует жизненные нарративы иудейки Гликль бас Иуда Лейб, католички Мари Гюйар дель Энкарнасьон и протестантки Марии Сибиллы Мериан с тщательностью академического исследователя и искренностью увлеченного рассказчика. В книге оспаривается представление о Новом и Старом Свете XVII века как о сети патриархальных сообществ со строгой иерархией и затрудненной социальной мобильностью для его менее привилегированных членов, в том числе женщин ремесленного и торгового сословия. Дэвис показывает, как некоторые из женщин, желавших независимости и имевших к тому склонность, в этих условиях все же обретали сильное влияние на свой жизненный путь.

Работа канадско-американского историка Натали Земон Дэвис «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века» (*Women on the Margins: Three Seventeenth-Century Lives*, 1995) уже давно признана классической и до сих пор является одной из самых известных в жанре гендерной истории. Именно этой книгой издательство «Новое литературное обозрение» наконец открыло новую серию «Гендерные исследования»; впрочем, первый перевод на русский язык читатель увидел еще в 1999 году благодаря тому же «НЛО». Повторное издание имеет скорее символическую ценность, открывая новоучрежденную книжную серию издательства, посвященную гендерным исследованиям. Сама серия, за год пополнившаяся шестью изданиями, знакомит русскоязычного читателя как с классическими работами, не переводившимися ранее на русский язык, так и с новейшими исследованиями в области необыкновенно популярных сейчас *gender studies*.

Конечно, за более чем двадцать лет с момента публикации маргинальность исследований женской истории несколько ослабла и потеряла прежнюю революционность; различным аспектам «женского» посвящается не один десяток книг каждый год. Тем не менее, основательность работы с источниками и глубокое понимание устройства и бытования автобиографических текстов и эго-документов все еще делают эту книгу образцом захватывающей повествовательной научной прозы, посвященной достаточно специфическому вопросу микроистории. В более ранней (и самой известной) своей работе — «Возвращение Мартена Герра» (1983), — по культовости сравнимой с бестселлером Карло Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке», Дэвис уже с большим вниманием отнеслась к фигуре жены протагониста, Берtrand. По мнению критика Лизы Биргер, Дэвис особенно интересует постоянное присутствие Берtrand «на фоне» пропажи своего супруга¹. Исследовательницу можно смело назвать одной из пионерок «феминистского» (или просто «женского») поворота в микроисторическом и социальном дискурсах.

Своими литературными собеседницами (в начале книги — буквально) историк избирает трех европейек, живших между 1599 и 1724 годами: гамбургскую еврейку и коммерсантку Гликль бас Иуда Лейб, французскую урсулинку Мари Гюйар дель Энкарнасьон и протестантку-лабадистку, художницу и исследовательницу насекомых Марию Сибиллу Мериан. Выбор героинь столь разного бэкграунда продиктован не столько стремлением показать сходства и разли-

1. Биргер Л. «Дамы на обочине» // *The Blueprint*. 23.12.2020. URL: [link](#) (30.06.2021).

чия их жизненных сценариев, сколько фактом существования их эго-документов, содержащих авторские воззрения. Они дополняются с опорой на архивные и библиографические документы и данные, то и дело упоминаемые в занимающих более сотни страниц примечаниях. Противоречивые судьбы героинь для Дэвис становятся поводом поставить под сомнение тезис об абсолютной социальной аморфности женщин невысокого происхождения в Европе раннего Нового времени, где от них ожидали лишь выполнения предписанной обществом пассивной роли жены и матери.

«Дамы на обочине» не отступают от микроисторической традиции нарративности и даже некоторой сюжетности, обеспеченной здесь следованию биографиям героинь. Большое количество предположений и интерпретаций позволяют даже неподготовленному читателю усваивать уравновешенные эмпатией автора сведения о социально-экономическом положении женщины того или иного статуса.

Маргинальность точки зрения в данном случае усиливается положением героинь в своих сообществах: еврейская вдова, монахиня-урсулинка в далекой и суровой Новой Франции, бывшая «сектантка»-лабадистка были не только заранее ограничены в интеллектуальном развитии «женской долей» и представлениями о благочестии (которые, впрочем, не вызывали у них отторжения), но и сталкивались с вызовами, обычно не свойственными женщинам их круга. Однако само это нахождение в стороне от семейной и общественной иерархии давало им большую свободу в принятии решений.

Гликль бас Иуда Лейб, известная как Гликль фон Хамельн, оставила монументальное жизнеописание из семи книг, сопровождая эпизоды своей жизни наставлениями, библейскими цитатами, притчами и легендами из разных источников и даже собственного сочинения. Дэвис отмечает, что в еврейской традиции подобные тексты опирались на «вековую традицию «этических завещаний», содержащих изложение собственного опыта и уроков нравственности. Они передавались детям вместе с указаниями о похоронах и о том, как распорядиться товаром»². Такие сочинения могли распространяться за пределами круга семьи и даже тиражироваться, то есть существовало довольно четкое представление о том, как они должны быть организованы и о чем должны рассказывать, так, записи фон Хамельн скорее следовали правилу, нежели его нарушали. За свою долгую жизнь (78 лет) Гликль дважды стала вдовой, несколько раз меняла место жительства и самостоятельно вырастила восьмерых детей после смерти первого мужа, продолжая при этом активно за-

2. Дэвис Н.З. *Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века*. М.: НЛО, 2021. С. 27–28.

ниматься коммерцией. Обращенные к потомкам записи служили ей пространством для размышления и диалога с Богом о превратностях своей жизни; сегодня же эти записи прочитываются как утверждение права на женскую независимость.

Французская монахиня Мари дель Энкарнасьон (вернее, правильной транслитерацией было бы «де л'Инкарнасьон», но далее будет использоваться версия переводчика этого издания), в миру Мари Гюйар, основательница первой урсулинской обители на территории Северной Америки, в Канаде, практически с самого начала своей религиозной жизни проживала мистический и нравственный опыт с помощью сочинительства, обычно не характерного для девушек и женщин ремесленного сословия, из которого она происходила. Тем не менее, даже избранное Мари имя отсылало к Господу как к Воплощенному Слову; в постоянном общении с Богом она провела свою жизнь. Озабоченная духовным наставлением канадских «дикарей», Мари выучила несколько аборигенных языков и написала на них педагогические сочинения. Однако куда большее значение в случае исследования эго-документов Дэвис имеют ее достаточно откровенные и подробные мемуары француженки, изложенные в частных письмах сыну, оставшемуся во Франции и также принявшему постриг. Несмотря на просьбы матери о сохранении конфиденциальности этой корреспонденции, он отредактировал, дополнил и издал письма как духовную биографию «Жизнь достопочтенной игуменьи Мари Воплощения» в 1677 году, после её смерти. «Маргинальное» положение монахини простого происхождения диктовало оптику крайнего доверия Господу, что из ее сочинения изъять было невозможно.

Замыкает триаду Мария Сибилла Мериан, прожившая, как и остальные героини, насыщенную и даже выдающуюся жизнь. Голландская художница и энтомолог оставила после себя иллюстрированный труд «Метаморфозы», посвященный насекомым Суринама, куда она отправилась вместе с дочерьми после нескольких лет жизни в реформатской общине лабадистов.

«Создать достоверный образ Марии Сибиллы <...> сложнее, поскольку она не оставила ни своей биографии, ни исповедальных писем, ни автопортрета», — пишет Дэвис. Но, «в каких бы обстоятельствах ни развивался духовный мир Мериан, мы можем лучше всего судить о нем в сфере работы»³. Альбомы с натурными этюдами были не только отражением естествоведческого энтузиазма, но и духовным и интеллектуальным упражнением, передающим пиетет перед

3. Дэвис Н.З. Указ. соч. С. 157.

сотворенным Господом миром и рассказывающим об актуальных на тот момент воззрениях автора. Любопытно, как спустя некоторое время после возвращения в Амстердам снискавшую известность и признание художницу, разведенную с мужем еще в свой лабадистский период, снова стали называть «юффрау» — «барышней», что также могло служить уважительным обращением к самостоятельно живущей зрелой даме, — а значит, ее репутация могла быть хотя бы частично восстановлена упорными научными изысканиями и публикациями. Сразу после смерти Марии Сибиллы ее дочь Доротея Мария отправилась в Санкт-Петербург вместе с мужем Георгом Гзёлем и писала флору и фауну для царской Кунсткамеры, где со времен петровского посольства хранились приобретенные в Амстердаме иллюстрации Мериан.

В самом начале главы об урсулинке Мари Дэвис использует очень емкое определение: «Подобно Гликль, Мари Воплощения была *femme forte* (“сильная женщина”), классический и библейский образ которой использовали во Франции XVII века и литературные феминистки, и монахини»⁴. К *femme forte* можно причислить и Марию Сибиллу Мериан. Все три героини были религиозны и потому разделяли представления о женском благочестии и природном легкомыслии, но при этом их объединяла большая жизненная энергия в сочетании с достаточно долгой жизнью. Они обладали мастерством в своих «ремеслах» и хорошо справлялись с ведением коммерческой деятельности. Каждая так или иначе занималась ведением хозяйства своего семейства и была удалена от средоточий политической, административной и общественной власти как ввиду гендерных ограничений, так и в силу своего незнатного происхождения. Именно в этом Дэвис и видит их «маргинальность», порой оборачивающуюся удивительным для современного читателя пространством для самостоятельного маневра при всех возникающих вызовах.

Практически единственное, в чем можно упрекнуть историка, — это, на первый взгляд, излишняя для научной работы беллетризация. Множество предположений, допущений, домыслов и гипотез могли бы бросить тень на научную обоснованность и качество работы с источниками, если бы автор постоянно не ссылалась на источники в тех местах, где приводятся документированные сведения. Свои собственные же интерпретации Дэвис неизменно сопровождает ремарками «вероятно» или «мне кажется».

Без сомнения передовое на момент написания, сегодня исследование уже не представляет собой одну из самых актуальных или про-

4. Дэвис Н.З. Указ. соч. С. 76.

вокационных работ — что, однако, нисколько не умаляет его значения как интересного методологического образца и захватывающего введения в проблематику, иногда достаточного, чтобы, например, восхищенный студент определился с областью исследования. Более того, «Дамы на обочине» являют собой успешно реализованный вариант компаративного подхода, подробно раскрывающий каждую героиню и в то же время деликатно проводящий между ними параллели. Это кладезь если не точных сведений, то научного вдохновения.

Полина Борисовна Гуккина
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Факультет свободных искусств
и наук, ОП «Искусства
и гуманитарные науки»
pbg05@mail.ru

Polina Gukkina
Saint-Petersburg State University,
Faculty of Liberal Arts and Sciences,
BA programme
“Arts and Humanities”
pbg05@mail.ru